

Это я с последней ротой, с
командиром на спине,
И в Синявинских болотах
сердце выстудило — мне.
Голос твой — не громче ветра...
Не расслышу, не пойму...
Почему же я всё это раньше
не сказал ему?

МОЛИТВА

Ну сделай, Господи, для меня
Так, чтобы попросту были
живы

Среди вранья и среди огня
Все — и любимые, и чужие!
И тот, кто пялится сквозь

прицел,
И тот, кто молится о
заблудших.

Прости, я лишнего захотел,
Когда земля забирает лучших,
Когда от ярости ножевой
Как будто иглы растут сквозь
кожу,

Когда срывается ветра вой...
И всё же ты постарайся, Боже!
Не жду от жизни иных даров
И не имею такого права.
Глаза открою — закат багров.
Глаза закрою — вода кровава.

* * *

Страница тронется, как поезд,
В неё я странником войду,
В плацкартном сяду, успокоюсь,
Что всё-таки не на войну.
А за окном, давно не мытым,
Куда смотрю из-под руки,

Деревни с их нехитрым бытом,
Дороги, реки, старики...
Там часто и людей не видно,
Там печи дымны, зимы длинные,
Но здесь — России сердцевина!
И, чтобы всё соединить,
Я карандашиком старинным
Тяну прерывистую нить.
И эти буквицы кривые,
Как новобранцы боевые
(Визжит гармошка, словно
плеть),

Стараются, пока живые,
Не помереть, так песню спеть.

* * *

Вальсок уходящего мая
В невольные слёзы вотру.
Прижмёмся покрепче, родная,
Полегче вдвоём на ветру.

А прошлое холодом дунет,
И травы запахнут, как мёд...
Но двадцать второе июня
Неюное сердце сожмёт.

ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ

Я больше девушку с веслом
Любил, чем пионера с горном.
Когда их обрекли на слом,
Так было горько!
Пацанчик, я на них глядел,
На их огромные фигуры.
Пятнистый гипс торчал из тел
И арматура.
Но всё же гордость в них была,
И стать заслуживала взгляда,

И эта девушка плыла
Над Ленинградом.
Горнист лишь для неё дудел,
И эти каменные звуки
Касались обречённых тел,
Крошили руки...
Шли после гипсовых утех
Года суровые, стальные,
И я смотрю на прошлых, тех,
Без ностальгии.
Но всё ж в душе бедлам и слом:
Пускай живу в молчанье
гордом,
Ревную девушку с веслом
К парнишке с горном!

* * *

Мой внутренний Ленинград
истаял и обветшал,
Он давно не прикрепляется к
пространствам и вещам.
Но там, на Петроградке, словно
крепкий зуб, мой дом,
И братья мои ещё не сгнули
за кордон.
Крылатые львы, озябли вы
на мосту,
Вскрикиваете простуженно:
в Москву, мол, летим, в Москву!
Разбрызгивая позолоту,
раскалываете пьедестал.
Пришёл бы я к вам, родные,
но выдохся и устал.
Мой внутренний Ленинград,
осыпающийся с холста,
Печальны твои кварталы,
и невская гладь пуста.
Вываливаются из рамы,
обугливаются края...

Но можно там встретить маму
с коляской, в которой я.

ТРАВА

Мне бы уехать в Сибирь за
травой,
Дикой, медвежьей, горячего
рода.
Недоглядела однажды природа,
Вот и пробилась под клёкот
и вой.
Мне на Таймыре о ней
прокричал
Старый шаман, почерневший
от гнева,
Он обещал, что обрушится небо
И покачнётся начало начал.
Он говорил, что ворвётся трава
В каменный день, позабывший
о чуде.
Зверь или птица прознают,
почуют,
И доберутся, и смогут сорвать,
И принесут: заberi и уйди!
Чтобы увидел я, тая от страха:
Вот разлетается мир, как
рубаха,
Та, что когда-то рванул на
груди.
Буду бурханить* у тёмной воды,
Буду упрашивать древнего
духа,
Чтобы лишил меня зренья и
слуха,

* Бурханить — задабривать местных духов молоком или водкой.

Чтобы не видеть мне этой
 беды...
 Смехом подавится птица: «Увы,
 Как же наивны, доверчивы
 люди!
 Этой травы больше нет и
 не будет.
 Выдохни, плачь, если сможешь —
 живи!»

* * *

Единственный из проклятого
 рода,
 Плевал в колодец и не дул
 на воду,
 И никому не верил на Земле.
 Он заплатил за бацию-полицая...
 Не разглядел тогда его лица я
 В плацкартной ненасытной
 полумгле.
 Он говорил, не мог остановиться,
 И бился голос, как слепая
 птица, —
 Казалось, что расколется окно.
 Он говорил о лагере, о воле,
 И я, пацан, объелся этой боли,
 И словно бы ударился о дно.
 Цедил слова он, бил лещом
 по краю
 Нечистого стола. И, обмирая,
 Смотрела злая тётка на него.
 Он пиво пил, и нервно цыкал
 зубом,
 И тётке говорил: «Моя голуба...
 Не бойся, я разбойник, а не вор!»
 Он растворился в городке
 таёжном,
 И все зашевелились осторожно,
 Шарахаясь от встречного гудка.

И пили водку, хлеб кромясь
 ломкий,
 И только мама плакала негромко
 И говорила: «Жалко мужика...»

ДЫМ ИМПЕРИИ

А дым империи мне сладок
 не всегда.
 Колотит в стёкла зимняя вода,
 Запретный смысл пытается
 морзьянкой
 Мне передать. И этот вечер
 зябкий
 Наутро обещает корку льда,
 Но вывернуто время наизнанку.
 А дым империи, а выхлопы
 машин,
 Мороженные профили мужчин
 И капюшоны их безликих
 спутниц...
 И путаница гласных,
 и распутиц
 Печальный опыт. Визг и стоны
 шин
 Проглочены глухим
 пространством улиц.
 Последним пламенем вечерних
 фонарей
 Горит моя империя. И с ней
 Не просто ни бороться, ни
 расстаться.
 Бахвалятся деревья зимней
 статью,
 Но пальцам отмороженных
 корней
 День ото дня становится
 больней.

ХОЛОДНАЯ ВЕСНА

Пахнет весной. Но учти:
Что-то сломалось в
пространстве!
Снова шевелятся в ранцах
Маршальских жезлов стручки.
Снова железу невмочь
Мучиться жаждой вампирьей.
Нынче взъерошили перья
Птицы, несущие ночь.
Милая, крепче прижмись!
Как бы тебя ни укрыл я,
Что наши слабые крылья:
Слово, и вера, и мысль?..
Утро как будто во сне.
Мир отражается в луже.
Снова молось неуклюже
Этой холодной весне.

ЗУБЫ ВОЙНЫ

Мир не спит ночами,
Ему больно,
У него режутся зубы войны,
А зубы мудрости
Догорают тщедушными
угольками,
Обжигая язык и дёсны.
Это обстоятельство тоже
не добавляет
Добродушия и спокойствия.
Мир состарился и разжирел
За долгие десятилетия без
Большой Войны.
Ну да, всё время что-то где-то
погромыхивало:
То там колынет, то здесь заночует,

То уши заложит, то хвост
отвалится...

Но он притерпелся —
И без хвоста можно жить!
Но Большая Война...
Это что же — вставай с дивана,
Срочно доедай всё, чем набит
холодильник,
Бери шинель (с)
И уходи в эту кровавую кашу,
Которую сам же и заварил?
И никогда уже не возвращайся?

КАМЕНОТЁС

Каменотёс мастеровит,
Но землю трогает устало.
Не стройте храмов на крови,
Не хватит камня и металла!
Солдаты там, где горький дым,
Дыханием придут и болью,
На этом выгоревшем поле,
Под небом тихим и седым,
Водою талой,
Зарёю алой,
Росою малой...

ЕРОФЕЙ ПАВЛОВИЧ

Сбежать бы туда, где снег
опаловый,
Где сосны такого роста, что
голову держи,
Там станция есть, Ерофей
Павлович,

Высокое небо, низкие этажи.

Мимо, мимо, на Амур везли

меня,

А потом обратно, хорошо, что

головой вперёд.

Три дня здесь стояли — забита

линия,

И любопытствовал местный

народ:

Что за вагон, гудящий стонами,

И, хотя нам не велели

высовываться из окон,

Понесли пирожки — корзинами,

молоко — бидонами,

А то и самогон, замаскированный

рюкзаком.

Санитарка Полинька, с округлой

речью,

С маленькой намозоленной

рукой,

Говорила мне: «Пей молоко,

еврейчик,

Поправляйся, а то ведь совсем

никакой...»

А я мычал, не справляясь со

словом,

Я нащупывал его онемевшим

языком,

Я хотел ей сказать много

такого,

С чем ещё и не был толком

знаком.

В мешковатом халате тоненькая

фигурка...

Вот и дёрнулся поезд, и все

дела.

Под мостом бормотала блатная

река Урка,

Что-то по фене, молилась или

кляла.

МАЛЬЧИКИ

Пахнет ли кровью, воняет

цветами,

Что с этой жизнью мы сделали

сами?

Где наших мальчиков след?

Не оглянувшись, уходят из

дома,

Время горит, как сухая солома,

Вот они, были и нет.

Только по небу следы

слюдяные,

Тени от крыльев — и присно,

и ныне...

Лучше б — во веки веков!

Чтобы хоть изредка смутные

вести...

Если бывает душа не на месте,

Век доживать нелегко.

Вдохом и выдохом, шагом и

взглядом,

Кажется — вот они, мальчики,

рядом,

Что же так сердцу невмочь?

Выкриком птицы, и ветром

упрямым,

Шелестом листьев — негромкое:

«Мама...»

И отлетевшее прочь.

ГРАЖДАНЕ ФРОНТИРА

Смешные рыцари застоя

Любили женщин и застолья,

И фронду пафосных гитар.

А джинсы — паруса свободы

Нас выделяли из народа

И заменяли божий дар.

Когда ж всё рухнуло, ребята,
И брат опять пошёл на брата,
И сдулся этот страшный век,
Мы потерялись в мире зыбком:
Те, кто давал нам «указивки»,
Толкаясь, вылезли наверх.

Мы стали граждане фронта,
Но в девяностых нам фартило —
Не сгнули, хотя могли.
Нас годы рвали, словно суки,
Не дали помереть со скуки,
Не разменяли на рубли.

...Теперь ворчим по-стариковски,
Когда ночами ноют кости,
И прошлый век шумит в груди.
И говорим себе под утро,
Что это, в общем, было круто,
Но детям — Бог не приведи.

